

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



RSUH/RGGU BULLETIN
№ 9 (110)

Academic Journal

Series:
Historical Studies.
Regional and Local History

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ
№ 9 (110)

Научный журнал

Серия «Исторические науки.
Региональная история. Краеведение»

Москва 2013

УДК 908 (05)
ББК 63я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Исторические науки. Региональная история.
Краеведение»

Редакционная коллегия:

С.О. Шмидт – отв. редактор

В.Ф. Козлов – зам. отв. редактора

Е.Л. Чернова – отв. секретарь

Э.Г. Истомина

М.П. Мохначева

А.Г. Смирнова

Номер подготовили:

В.Ф. Козлов

Е.Л. Чернова

СОДЕРЖАНИЕ

История исторического краеведения

Н.В. Середа

«Городские историографы» и местная власть:
варианты взаимоотношений в конце XVIII в. 9

Я.Е. Смирнов

«Сделайте то, что подскажут не расчет и выкладка, а душа и чувство...».
К истории проекта ярославского архивариуса И.А. Тихомирова
об устройстве древлеведения в России 24

В.Ф. Козлов

«Огосударствленное» краеведение. История и уроки
(По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) 53

Церковное краеведение

Н.М. Брусиловский

Из истории домовых храмов Москвы XVIII в.:
законодательство и его практическое применение
(на примере храмов в домах князей Вяземских и Мещерских) 84

М.В. Артюшенко

Внутренняя жизнь Донского монастыря в период настоятельства
архимандрита Феофана (Александрова). 1832–1850 гг. 92

К.А. Смирнова

Повседневная жизнь московской Преображенской
старообрядческой общины в 1906–1918 гг.
(по годовым «отчетам общины» и материалам
Центрального исторического архива Москвы, Центрального
государственного архива Московской области) 107

Е.Л. Чернова

На пути к обновленческому Поместному собору 1923 г.:
к истории подчинения московских приходов 121

Методика и практика краеведческих исследований

А.В. Ефимов

Христианское население Крыма в 1630-е годы
по османским источникам 134

В.В. Павленко

Деятельность провинциальных государственных
и общественных учреждений по подготовке празднования
100-летия Отечественной войны 1812 года
на примере Смоленской губернии 144

Э.Г. Истомина

Каспийское море в геоэкономическом и политическом пространстве
региональных процессов России XIX – начала XX в. 153

М.В. Добренькая

«Сталинские высотки» на фотографиях:
возведение и бытование в свете идеологии 169

О.В. Степанова

Значение 800-летнего юбилея Москвы
в истории москвоведения и экскурсионного дела 178

В.П. Машковцев

Краеведческая программа «Губерния в старой открытке»:
два десятилетия пути 190

Историографическое наследие

А.Г. Смирнова

«Фрунзенский район. Гора Варгуниха – гора Поклонная»:
описание маршрута экскурсии для путеводителя по Москве
(Из документального наследия Общества по изучению
Московской губернии) 214

С.А. Уваров

Повседневная жизнь Москвы 1941–1942 гг.
(по дневникам П.Н. Миллера) 234

Abstracts 260

Сведения об авторах 267

Я.Е. Смирнов

«СДЕЛАЙТЕ ТО, ЧТО ПОДСКАЖУТ
НЕ РАСЧЕТ И ВЫКЛАДКА,
А ДУША И ЧУВСТВО...»
К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ЯРОСЛАВСКОГО
АРХИВАРИУСА И.А. ТИХОМИРОВА
ОБ УСТРОЙСТВЕ ДРЕВЛЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена изучению малоизвестного проекта создания централизованной системы охраны памятников истории и культуры в России, принадлежащего перу архивариуса Ярославской губернской ученой архивной комиссии И.А. Тихомирова (1861–1933). Раскрывается содержание программы, история ее подготовки и обнародования на III историко-археологическом съезде во Владимире в 1906 г. Публикуемые в приложении документальные материалы, в частности переписка И.А. Тихомирова с одним из организаторов съезда А.В. Селивановым, рисуют отношение современников к идеям ярославского ученого.

Ключевые слова: губернские ученые архивные комиссии, охрана памятников истории и культуры, реформа архивного дела, всероссийские и областные археологические съезды, И.А. Тихомиров, А.В. Селиванов.

Вопросы реформы архивного дела и, шире, всего отечественного древлеведения в дореволюционной России постоянно находились в поле пристального внимания научной общественности. Положение 1884 г. «об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий», как известно, рассматривалось их «отцом-основателем» академиком Н.В. Калачовым в качестве временного компромисса, продиктованного невозможностью на государственном уровне быстро и на основах централизации осуществить реорганизацию архивного дела¹. Возникавшие во многих исторических центрах страны ученые архивные комиссии со временем превращались в «малые академии» на местах, ведавшие совокупностью вопросов выявления, изучения, охраны памятников старины – письменных, вещественных, фольклорных и т. п.²

Специфика деятельности архивных комиссий как историко-археологических обществ широкого профиля отражала потребности времени в освоении историко-культурного наследия российских регионов и запросы в этом научно-просветительском направлении провинциального общества. Постепенное вовлечение комиссий в процесс обсуждения проектов государственной архивной реформы, происходивший в рамках всероссийских и областных археологических съездов, для многих из них означало решение вопроса «жизни и смерти»³. Бедственное материальное положение и вопиющая несправедливость архивных комиссий, сказывавшиеся в конечном счете на результатах их деятельности, побуждали одних их представителей искать улучшения в изменении законоположений о самих комиссиях, других – в коренном пересмотре всей памятникоохранительной системы в стране.

Автором такого единственного в своем роде «государственного» проекта, рожденного в недрах Ярославской губернской ученой архивной комиссии (ЯГУАК), был ее архивариус Иларион Александрович Тихомиров (1861–1933)⁴. Обращаясь к научному и документальному наследию ЯГАУК, первое заседание которой состоялось 15 (27) ноября 1889 г., уместно вспомнить не только это значительное по своим культурным свершениям в крае общественное учреждение, давшее жизнь современным Государственному архиву Ярославской области (ГАЯО) и Ярославскому государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику, но и самого ее скромного труженика, сумевшего подняться на уровень размышлений о судьбах древлеведения в России.

Почти 30 лет своей жизни И.А. Тихомиров посвятил служению делу ЯГУАК – от первых шагов ее существования до роспуска уже при советской власти. Не имея специального исторического и архивоведческого образования, как, впрочем, и подавляющее большинство увлеченных и бескорыстных подвижников архивных комиссий, он в декабре 1890 г. был «принят на службу» и утвержден общим собранием ярославской комиссии в должности архивариуса. Прозорливость членов комиссии, разглядевших в молодом человеке не только чрезвычайно полезного для нового архивного дела работника, но едва ли не самого авторитетного и известного в будущем деятеля ЯГУАК, достойна уважения. Простой архивариус со временем превратится в «архивариуса Тихомирова»; эти два слова в обиходе ярославцев – современников и потомков – окажутся нераздельными, а почтительное «архивариус» при этом будет звучать как высокое ученое звание.

На долю И.А. Тихомирова выпала сложная и ответственная миссия – комплектование исторического архива, заключавшееся в тщательном отборе, приведении в порядок и должную систематизацию документов, приготовленных во многих учреждениях губернии к уничтожению. Созданный многолетними трудами ученого бесценный архив до сих пор продолжает свою жизнь в фондах государственного архивохранилища Ярославской области. В 1895 г. при ЯГУАК открывается «Древлехранилище» – историко-этнографический музей, активно пополнявшийся различными предметами бытовой, церковной, археологической старины, произведениями живописи и народно-прикладного искусства. И вновь в этом заслуга И.А. Тихомирова – основателя и хранителя музея – была первейшая. На плечах архивариуса лежала забота и по организации этнографических экскурсий – экспедиций в отдаленные уголки губернии, осуществлению на ее территории археологических раскопок, ежегодно доставлявших в музей сотни новых находок, и по проведению ознакомительных экскурсий уже по залам самого древлехранилища. Здесь внимательными слушателями Илариона Александровича нередко становились самые разные экскурсанты – от учащихся приходских школ, гимназистов и студентов до маститых профессоров, известных ученых и политических деятелей⁵. Собранные И.А. Тихомировым или под его руководством памятники местной старины ныне составляют основу археологической, этнографической, нумизматической, книжно-рукописной коллекций Ярославского музея-заповедника⁶.

Широкий универсализм, присущий деятельности И.А. Тихомирова в ЯГУАК, сполна проявился и в его научно-исследовательском наследии. Наряду с публикациями – статьями и книгами, посвященными археологическому изучению края, разнообразным темам ярославского исторического прошлого, проблемам сохранения и реставрации архитектурных памятников, заметное место в творчестве ученого краеведа занимали вопросы архивной практики, выявления, изучения и публикации письменных источников⁷. Уже в 1894 г. он разработал для ярославской комиссии образец «печатной» обложки архивного дела, утвержденный членами комиссии и растиражированный наряду с формальными характеристиками документа, содержащий, в частности, и такой немаловажный пункт, как «Значение дела»⁸. Активная архивная и археографическая практика, приобретенный на этом поприще значительный опыт привели И.А. Тихомирова к мысли о формулировании собственных архивоведческих идей, изложенных им сначала в выступлениях на заседаниях комиссии, а затем в программных статьях на страницах

«Трудов ЯГУАК»: «По поводу разбора архивов и отбора из них дел для хранения» (1898), «Об издании и программе “Трудов” Ярославской ученой архивной комиссии» (1898), «Общая архивная опись» (1902)⁹. Тех же насущных вопросов молодой тогда науки архивоведения касалась и более широкая программа, впрочем, озаглавленная автором весьма скромно: «Несколько соображений по охране памятников древности» (1898)¹⁰. Компетентно высказываясь прежде всего по проблемам сохранения памятников старинного зодчества, архивариус довольно эмоционально «вступается» и за письменное документальное наследие: «Что сказали бы про того, кто вздумал бы, например, в древнем свитке подправить, ну, хотя бы только буквы на современный лад? “Неуч, варвар”, – вот чем наградили бы такого смельчака наиболее снисходительные. И с ними нельзя не согласиться, и согласится каждый, занимающийся древней письменностью. Да и в самом деле, – переписывайте как хотите и каким угодно шрифтом, но до подлинника не дотрагивайтесь, и именно потому, что он *подлинник*, т. е. непреложное свидетельство о многом таком, чего, кроме как в нем, не найти нигде и ни за какие сокровища»¹¹.

До сих пор совершенно не изученными и не известными в исследовательской литературе остаются «замечания» И.А. Тихомирова на проект архивной реформы Д.Я. Самоквасова и альтернативный ему проект «учреждения центральных губернских архивов» А.В. Селиванова, направленные по решению ЯГУАК в адрес XI археологического съезда в Киеве¹². На съезд, состоявшийся в августе 1899 г., был доставлен и оригинальный проект И.А. Тихомирова положения о местных ученых обществах – «Необходимое и желательное для более правильной постановки вопроса о губернских ученых архивных комиссиях». Все три рукописи архивариуса в черновых копиях сохранились в фонде ЯГУАК в Государственном архиве Ярославской области и еще нуждаются в более внимательном рассмотрении¹³. Однако уже сейчас ясно, что именно здесь прозвучали те первые «выстраданные» мысли, которые получают дальнейшее развитие и корректировку в его проекте масштабного переустройства древлеведения в России: «Нужно сделать архивные комиссии первой и притом неминуемой ступенью той небольшой лестницы, по которой должны двигаться все дела об исторически-археологических предметах, будет ли то дело правительственного или общественного учреждения, печать его, портрет, храм, курган и т. д., – безразлично»¹⁴.

Свою программу «К вопросу об устройстве древлеведения в России» И.А. Тихомиров обнародовал на III областном ис-

торико-археологическом съезде, проходившем во Владимире 20–26 июня 1906 г. Судя по переписке с А.В. Селивановым, в ту пору деятелем Владимирской ГУАК и главным координатором организации и проведения съезда, Тихомиров уже летом и осенью 1904 г. готовил свой проект: «Теперь вопрос решен, – я буду иметь честь представить в III областной археологический съезд свое сообщение: “О некоторых ярославских гербах”. Если же время позволит, то, быть может, и еще два: “О типе архивной описи” и “Проект постановления охраны и изучения памятников древности”»¹⁵. Однако назначенный первоначально на июнь 1905 г., съезд так и не состоялся, крайне напряженная социально-политическая обстановка в стране не позволила его провести. Серьезные трудности в своей работе испытывали и ученые архивные комиссии, некоторые из них, в частности ярославская, и вовсе находились «под запрещением» властей. Делегат съезда В.Е. Рудаков откровенно сообщал в печати о настроениях, витавших на археологическом форуме: «Большинство членов комиссий, участников съезда, из которых до 6 или 7 человек было председателей комиссий, с чисто патетическим чувством отзывались о родных своих детищах – комиссиях, ярко рисовали их тяжелое, а по временам и прямо безобразное, положение от произвола губернаторов (как, например, бывшего ярославского губернатора г. Роговича, разогнавшего комиссию с первых же дней своего управления губернией и в 1905 г. охотившегося с громилами за местной интеллигенцией и студентами), которым подчинило их высочайше утвержденное “Положение об архивных комиссиях” 1884 г., их полнейшую материальную зависимость от местных городских и земских учреждений и полное бесправие и беспомощность членов их, особенно обнаруживаемые при нередких случаях уничтожения ценных предметов старины или при ознакомлении с местными правительственными архивами»¹⁶. Малоизвестный факт подобной «опеки» в Ярославле ученой архивной комиссии со стороны губернатора А.П. Роговича, пребывавшего на этом посту с августа 1902 г. по ноябрь 1905 г., подтверждается и отчетами ЯГУАК, в которых «глухой» строкой осталась запись: «За вторую половину 1904 г. по 1906 г. комиссия, по независящим от нее внешним обстоятельствам, лишенная возможности даже собраний своих членов, усиленно занимается разборкой старых дел – вязок и книг...»¹⁷. Кроме того, на протяжении целого года, с 28 ноября 1905 г. по 26 ноября 1906 г., после смерти председателя ярославской комиссии Л.Н. Трефолева все это время у нее не было своего избранного руководителя¹⁸. Выходит, что на владимирский съезд И.А. Тихомиров, не будучи делегированным

членами ЯГУАК¹⁹, отправлялся по своей личной инициативе, а подготовленный им «революционный» доклад был актом сугубо его личного мужества.

Выступление И.А. Тихомирова стоялось 22 июня на утреннем заседании шестого «отделения» съезда, на котором обсуждались вопросы архивоведения. Помимо доклада ярославского делегата здесь также прозвучали сообщения В.Е. Рудакова «Об архиве департамента герольдии», Н.М. Спилюти «Архивные порядки (вопрос об изменении условий архивной работы)» и Л.М. Савелова «О семейных архивах»²⁰. Как можно заключить уже из материалов съезда, доклад Тихомирова, предлагавший к рассмотрению не частные вопросы архивной практики, а проект серьезной реформы всей памятникоохранительной системы, не был воспринят участниками собрания и на том основании никакого его обсуждения не произошло. Председательствовавший в заседании А.П. Воронов, дабы сгладить возникшую очевидную неловкость, нашел выход из положения. «Вопросы, затронутые докладчиком, – читаем в отчете съезда, – касаются больше предмета, отнесенные к отделу VII – архивные комиссии и их современное положение. На основании этого, по предложению председателя, постановлено передать для рассмотрения и обсуждения в следующем собрании»²¹.

Однако и в следующем заседании, происходившем на другой день под председательством А.В. Селиванова, ожидаемого обсуждения доклада И.А. Тихомирова также не случилось. Заранее намеченное «закрытое» собрание было посвящено единственному вопросу – реформе архивных комиссий, о чем основное выступление сделал представитель Симбирской губернской ученой архивной комиссии В.Н. Поливанов. В основу его доклада был положен проект преобразования ученых архивных комиссий, выработанный на Тверском областном историко-археологическом съезде (1903) и дополненный с учетом замечаний, полученных от ряда архивных комиссий. В обсуждении доклада приняли участие многие признанные ученые и деятели архивных комиссий – М.В. Довнар-Запольский, И.А. Иванов, С.Ф. Платонов, Н.В. Покровский, А.В. Савелов, А.С. Синявский, А.А. Титов, Н.И. Троицкий, С.Д. Яхонтов и другие. По итогам прений, как отмечено в протоколе заседания, «в виду сложности и трудности вопроса», собрание постановило просить директора Археологического института Н.В. Покровского о созыве в Петербурге специального съезда представителей архивных комиссий для выработки окончательного варианта проекта реформы. Вот тут-то и «вспомнили» про «несвоевременный» проект ярославского архивариуса, который попросту «подшили к делу»: «В распоряжение

такого будущего съезда постановлено передать доклад В.Н. Поливанова, доклад, сделанный в настоящем съезде по тому же предмету, И.А. Тихомирова, и все относящиеся сюда материалы»²².

Что же такого необычного в своей программе «К вопросу об устройстве древлеведения в России» выдвигал И.А. Тихомиров? И почему коллеги ярославца из других архивных комиссий предпочли его проект не заметить или, как он сам выражался, «замять и замолчать»?

Государственная система древлеведения И.А. Тихомирову представлялась в виде единой централизованной сети специализированных учреждений, в ведении которых должны были находиться исторические памятники всех видов. Для этого он предлагал учредить государственную («Русскую») и губернские (по названию соответствующих городов) «древностейные управы» (т. е. управы археологические, для правления древностями). Функционально на эти учреждения возлагалась обязанность рассмотрения всего спектра специальных вопросов, связанных не только с охраной (как это нередко предлагалось, и в частности правительством, вынашивавшим идею учреждения «Комитета по охране древностей» при Министерстве внутренних дел), но и с изучением, хранением, перемещением, реставрацией памятников старины. Причем вся сеть этих учреждений выделялась в самостоятельное и «самоуправляющееся» ведомство во главе с председателем «Русской древностейной управы», статус которого уравнивался с правами министра. Однако назначение «министра» и всего личного состава государственной управы – это отнюдь не дело правительства, а выбор «съезда ученых всей России».

Государственная управа руководит губернскими управами и утверждает их членов. Состав управ – и центральной, и областных – должен являть собой «общество» (коллегию) различных специалистов по числу отраслей древлеведения: зодчество, монументальная живопись, иконопись, археология, археография, архивоведение и т. д. (или актуальных для каждой местной управы). Все дела в управах решаются общим собранием их членов. В сфере компетенции государственной управы, посредством ее «особых правлений», «состоят все государственные хранилища по предмету древлеведения, архивы, галереи и т. п., из которых всё, имеющее преимущественно местное значение и интерес, передается в местные хранилища; своих собственных хранилищ, кроме книжного, государственная древностейная управа не имеет». Что же касается губернских управ, то они должны иметь свои хранилища, «в которых сосредотачиваются все и всякие как вновь открываемые, так

и хранящиеся уже в других музеях, библиотеках, архивах и т. п., памятники данной губернии, все местные и иноместные, – касающиеся губернии издания и другие пособия (книги, картины, карты, модели и проч.); в их ведении и управлении находятся все местные хранилища по древлеведению и памятники прошлого»²³.

Готовя свой проект как «ряд ответов» на «жгучий и мучительный вопрос» о судьбах исторических памятников в России, И.А. Тихомиров намеревался предложить коллегам теоретический экстракт из личного практического опыта, итог многолетних размышлений над памятникоохранительной ситуацией в провинции и в целом государстве, который, как он старался до них донести, был «не высижен», а «выстрадан и выношен и стоил не малого количества горьких и тяжелых минут»²⁴. Опираясь на многотрудный опыт работы в архивной комиссии и душой болея за общее дело отечественного древлеведения, которому самозабвенно служил, он приглашал всех заинтересованных и причастных к этому делу лиц к беспристрастному диалогу: «Разумеется, излишне говорить о том, что изложенным выше я не намеревался не только исчерпать этот обширный и сложный вопрос, но даже и очертить его сколько-нибудь полно; я только наметил те, на мой взгляд, желательные и полезные, основные положения, без которых (опять-таки, на мой взгляд) правильной и удовлетворительной постановки вопроса о древлеведении в России не может быть»²⁵.

Однако съезд в целом остался безучастным к идеям И.А. Тихомирова. Очевидно, смущала и новизна проекта (его своего рода радикализм), и масштабность задуманного, а может быть, и сложность для восприятия на слух нарисованных автором тяжеловесных конструкций (попытка подобрать емкое и благозвучное название для будущих учреждений также оказалась не слишком удачной). Обсуждая, как он сам с очевидностью понимал, частный вопрос о реформе архивных комиссий («хлопотать об улучшении нескольких винтов при негодности всей машины, – тратить попусту время и обманывать себя»²⁶), участники съезда оказались не способными к формулированию главной проблемы, без решения которой будущее и самих комиссий оставалось весьма неопределенным и туманным. С грустью и досадой он вспоминал заседание 23 июня: «На нем проглянуло и непонимание дела (на мой взгляд), и недостаточная беспристрастность, и недостаточная заинтересованность, и желание поскорей отделаться от неприятного вопроса...»²⁷ Когда через год в печати появился обзор «действий» владимирского съезда В.А. Нарбекова, в нем лишь одной строкой фигурировал «анонимный» доклад, сделанный «по VI отделу», – «К вопросу о

постановке архивоведения в России» (так! – Я. С.)...²⁸ Участник съезда и сотрудник «Исторического вестника» В.Е. Рудаков, вслед за выступлением которого И.А. Тихомиров докладывал ученому собранию свою программу, и вовсе счел возможным не упоминать о нем в своем довольно обстоятельном обзоре итогов областного археологического съезда на страницах журнала²⁹.

Исследовательница отечественного архивоведения Н.В. Бржостовская, впервые в 1971 г. в научной литературе обратившая внимание на «один довольно интересный проект» – ярославского архивариуса Тихомирова, констатировала, что «он (проект. – Я. С.) не имел никаких последствий и остался как интересный документ, отразивший чаяния провинциального историка. Смелость проекта отражает обстановку в годы первой русской революции, давшей толчок многим прогрессивным идеям»³⁰.

Публикуемые ниже документы, и прежде всего переписка председателя оргкомитета владимирского съезда А.В. Селиванова и И.А. Тихомирова (док. № 1–2), – яркое свидетельство той драматичной ситуации, которая сложилась вокруг тихомировского проекта после его обнародования на археологическом форуме. Не удовлетворенный результатами своего выступления (напомним, одного из трех!) по поводу предлагаемой реформы, И.А. Тихомиров уже по возвращении в Ярославль сочиняет особое предисловие «От составителя» к тексту проекта, намеченному организаторами съезда к публикации в его «Трудах». В нем нашла отражение непосредственная реакция ученого на то, в основном учтиво-молчаливое, отношение к его идеям со стороны ученых коллег, желание еще что-то прояснить или уточнить и наконец убедить их «отказаться, насколько доступно, от всего условного, частного и навеянного минутой, забыть о составителе настоящего проекта и о самом себе и, словом, взглянуть на предлагаемое мною возможно беспристрастнее». Также включенный в документальную подборку текст предисловия (док. № 3), кажется, так и не появился в «Трудах» съезда. Во всяком случае те их экземпляры, с которыми нам довелось работать, его не содержат. Из нескольких просмотренных отдельных оттисков проекта «К вопросу об устройстве древлеведения в России»³¹ лишь только в одном оказался текст авторского предисловия³². Данное «библиографическое» недоразумение наводит на мысль о далеко не простой случайности этого издательского казуса.

Рукопись предисловия И.А. Тихомирова и сопровождавшее ее письмо, отправленные одному из организаторов владимирского съезда, А.В. Смирнову, впоследствии попали в руки Алексея Васильевича Селиванова (1851–1915). Имя этого известного

провинциального ученого, оставившего после себя многочисленные труды в области энтомологии, истории, археологии, археографии, библиографии, искусствоведения, философии, – одно из центральных в истории двух архивных комиссий – Рязанской и Владимирской³³. Видный научный и общественный деятель, он многое делал для развития этих учреждений, прилагал немало усилий к совершенствованию архивного дела, предложив в 1899 г. собственный проект устройства центральных губернских архивов. И, естественно, будучи организатором съезда и председателем того самого заседания, в котором был «замят и замолчан» доклад Тихомирова, Селиванов не мог не отреагировать на подобные суждения ярославца. Его письмо от 28 ноября 1906 г. сохранилось в фонде архивариуса в ГАЯО (док. № 1)³⁴. Дипломатично оценивая проект Тихомирова как «в высшей степени целесообразный», он, тем не менее, видел в нем «сплошную утопию», и в первую очередь из-за отсутствия к достижению его целей необходимых «средств и рабочей силы». Тем самым А.В. Селиванов выражал позицию большинства участников съезда, озабоченного, главным образом, судьбами своих архивных комиссий. В ответном письме от 8 декабря (док. № 2) И.А. Тихомиров горячо и убежденно пытался отстоять свою точку зрения, говоря о проекте: «Утопичности в нем нет, он только беспристрастен». А далее и вовсе выдвигал новое «несвоевременное» требование: «Дело не в деньгах, а во власти; дайте нам власть, дайте нам право, и $\frac{3}{4}$ дела будет сделано». Тут-то, очевидно, и крылась принципиальная неподъемность всего массива возникавших в свете данного проекта задач.

Способный видеть далеко на перспективу, быть неизменно выше интересов текущего момента, И.А. Тихомиров, в жизни и общении с людьми очень скромный и даже застенчивый человек, не боялся, если того требовали обстоятельства, идти наперекор мнению большинства и до конца отстаивать свою позицию. Эту внутреннюю убежденность и гражданскую смелость ему придавали огромная любовь и преданность своему делу, значение которого для саморазвития общества он прекрасно понимал. Болея душой за дело отечественного древлеведения, размышляя о его широкой, «правильной и удовлетворительной постановке», он готов был, «не считаясь с существующим положением вещей», «отстаивать до последней возможности» свои взгляды и убеждения. Практичность и трезвость ума, «прозаичность» жизненных позиций не мешали Илариону Александровичу быть пылким и страстным в стремлении к его мечте. История нереализованного проекта ярославского архивариуса и публикуемые об этом документальные материалы –

яркое тому подтверждение. Они рассказывают о том, что И.А. Тихомиров и в жизни, и в профессиональном деле никогда не боялся быть «неудобным человеком».

Именно об этом он, вспоминая прожитое уже в другую эпоху, писал в феврале 1926 г. своему юному ярославскому ученику-краеведу, впоследствии известному историку и профессору МГУ Сергею Сергеевичу Дмитриеву (1906–1991): «Я для многих был неудобным человеком (это один из многих трагизмов моей жизни), кое-что видел, знал и по своей дурости и грубости всегда мог “брякнуть” какую-нибудь “вяху” в самый неподходящий момент. Желаю вам от души быть неудобным: правда, чистая совесть (конечно, относительно, безусловно чистой не было еще) – большая, очень большая сила!..»³⁵

Примечания

- ¹ См.: *Автократова М.И., Самошенко В.Н.* Н.В. Калачов и развитие архивного дела в России во второй половине XIX в. // Советские архивы. 1985. № 5. С. 28–31; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 135–136.
- ² См., например: *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т. 5. С. 79–116; *Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433; *Писарькова Л.Ф.* Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 187–198; *Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород, 1991; *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; Издания губернских ученых архивных комиссий 1884–1923 гг.: [В 5 вып.] / Сост. Л.Ф. Писарькова. Отв. ред. С.О. Шмидт. New York: Norman Ross Publishing Inc., 1994–1995. Вып. 1–3.
- ³ См.: *Бржостовская Н.В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869–1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 89–105.
- ⁴ См.: Там же. С. 104; *Ваганова И.В.* И.А. Тихомиров об устройстве архивов в России // Советские архивы. 1989. № 2. С. 78–80.
- ⁵ Тысячи имен посетителей «Древлехранилища» ЯГУАК зафиксировала книга его посетителей; см.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 44.
- ⁶ См. подробнее: *Ваганова И.В.* Деятельность И.А. Тихомирова в Ярославской губернской ученой архивной комиссии // К 100-летию Ярославской губернской

ской ученой архивной комиссии: Тез. выступ. на расширенном заседании Науч. совета архивного отдела облисполкома. Ярославль, 1990. С. 11–20; *Землянская Н.С.* И.А. Тихомиров – хранитель музея при Ярославской губернской ученой архивной комиссии // Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып. 7. С. 24–31; *Дубов И.В.* Роль И.А. Тихомирова в археологическом изучении Ярославского Поволжья // Там же. С. 31–39; *Смирнов Я.Е.* «Ярославский старожил» Иларион Тихомиров // Тихомиров И.А. Граждане Ярославля. Из записок ярославского старожила / Вступ. ст. и коммент. Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1998. С. 5–40; «...Сохранить память о минувшем...» Архивариус И.А. Тихомиров о назначении и деятельности ЯГУАК / Публ. и предисл. Я.Е. Смирнова // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 98–103.

⁷ См.: *Севастьянова А.А.* И.А. Тихомиров – архивист, археограф и источниковед // Ярославский архив дворян Викентьевых XVII века: (К 100-летию Ярославской губернской ученой архивной комиссии): Сб. документов / Сост. В.Н. Козляков. Ярославль, 1989. С. 91–95.

⁸ См.: Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии (далее – Труды ЯГУАК). Ярославль, 1900. Кн. 3. Вып. 1. С. 51, 57.

⁹ См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 50. Л. 30–33об.; Д. 187. Л. 1–8об.; Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 6. Вып. 1. С. 38, 40, 51, 59, 233–236, 297–304.

¹⁰ См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–9об.; Труды ЯГУАК. Кн. 6. Вып. 1. С. 277–288.

¹¹ Там же. С. 281.

¹² Там же. С. 64–65.

¹³ См.: ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 31. Л. 43–70об.

¹⁴ Там же. Л. 61.

¹⁵ ГАРО (Гос. архив Рязанской обл.). Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 3об. (письмо от 30 окт. 1904 г.). Это был ответ И.А. Тихомирова на информационное письмо А.В. Селиванова от 10 июля 1904 г. о предстоящем владимирском съезде (см.: ГАЯО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 51. Л. 4). В марте 1906 г. темы выступлений были уточнены: «В ответ на Ваше письмо от 5 прошлого февраля за № 1 имею честь уведомить Вас, что я имею намерение быть, если ничто не помешает, на III областном археологическом съезде в г. Владимире и сделать следующие три доклада: 1) О некоторых ярославских гербах, 2) Кто насыпал ярославские курганы, – дополнение к докладу под тем же заглавием на Тверском съезде, 3) К вопросу о постановке дела древлеведения в России. Первые два доклада довольно большие (75–80 полулистовых страниц), третий – небольшой» (ГАРО. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 7; из письма И.А. Тихомирова А.В. Селиванову от 8 марта 1906 г.).

О том, что вопросы охраны памятников в связи с областными съездами И.А. Тихомирова интересовали и раньше, свидетельствует печатная программа II археологического съезда в г. Твери (1903), сохранившаяся в фонде ЯГУАК, в которой, кроме записи рукой архивариуса: «К протоколу 56 общ[его] собра-

- ния Яр[ославской] арх[ивной] ком[иссии]. 22/1. 1903 г.», в пункте 7 сделаны подчеркивания (выделено нами курсивом. – Я. С.): «Архивные комиссии и их современное положение. Вопросы, связанные с деятельностью архивных комиссий *по охранению местных древностей*, устройству музеев, изданию исторических документов и *по археологическим исследованиям края*» (ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 50. Л. 25).
- ¹⁶ Рудаков В.Е. Третий областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире // Исторический вестник. 1906. № 8. С. 579.
- ¹⁷ Общий обзор деятельности Ярославской ученой архивной комиссии за 1900–1914 гг. // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 2. С. 8.
- ¹⁸ См.: Протокол 60-го собрания Ярославской ученой архивной комиссии, 26-го ноября 1906 года // Труды ЯГУАК. Кн. 7. Вып. 1. С. 1.
- ¹⁹ В личном письме к А.В. Селиванову от 28 марта 1906 г. И.А. Тихомиров сообщал: «Что касается извещения Ярославской архивной комиссии о владимирском съезде, то считаю нужным уведомить, что комиссия едва ли соберется до съезда, почему едва ли будут на съезде и ее официальные депутаты» (ГАРО. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 6об.).
- ²⁰ См.: Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. С. 25.
- ²¹ Там же. С. 60.
- ²² Там же. С. 71.
- ²³ Тихомиров И.А. К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир, 1908. С. 7–8.
- ²⁴ Письмо И.А. Тихомирова А.В. Селиванову от 8 дек. 1906 г. (док. № 2).
- ²⁵ Тихомиров И.А. Указ. соч. С. 8.
- ²⁶ Письмо И.А. Тихомирова А.В. Селиванову от 8 дек. 1906 г. (док. № 2).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Нарбеков В.А. Третий областной историко-археологический съезд во Владимире 1906 г. 20–26 июня. Казань, 1907. С. 19
- ²⁹ См.: Рудаков В.Е. Третий областной историко-археологический съезд... С. 563–585.
- ³⁰ Бржостовская Н.В. Вопросы архивного дела... С. 104.
- ³¹ Причем с датой – 1908 г., в то время как «Труды» владимирского съезда датированы 1909 г. Некоторое отличие наблюдается и в оформлении публикации проекта: в конце текста, воспроизведенного в «Трудах», содержится авторская датировка – «Ярославль. 1906 6/VI», в отдельных оттисках – ее нет.
- ³² Экземпляр брошюры из научной библиотеки Ярославского музея-заповедника.
- ³³ См. о нем, например: Толстов В., Трибунский П. Ученый-энциклопедист А.В. Селиванов // Рязанские ведомости. 1999. 29 янв. С. 4. («Рязанская старина». Вып. 5). Благодарю П.А. Трибунского, любезно сообщившего копии документальных материалов из рязанского архива.

- ³⁴ Впервые документ был опубликован в статье И.В. Вагановой в журнале «Советские архивы» в 1989 г. (см.: *Ваганова И.В.* И.А. Тихомиров об устройстве архивов в России. С. 79–80). Сопоставление подлинника письма с его журнальной публикацией выявило многочисленные неточности прочтения и неоговоренные пропуски. В настоящей публикации все эти недостатки устранены.
- ³⁵ *Смирнов Я.Е.* Краеведческие материалы в архиве профессора С.С. Дмитриева и их историко-культурное значение // Архивы: история и современность: Материалы конференции, посвященной 80-летию архивной службы Российской Федерации. (Углич. 28–29 мая 1998 г.) / Отв. ред. Я.Е. Смирнов. Ярославль, 1999. С. 46.

Приложение

№ 1

Письмо А.В. Селиванова И.А. Тихомирову

28 ноября 1906 г.
г. ВладимирМилостивый государь
Иларион Александрович.

Ал. Вас. Смирнов¹ мне сообщил Ваше письмо к нему по поводу Вашего доклада об устройстве древлеведения в России. Так как в этом письме выражается сильное неудовольствие 3-м обл[астным] съездом², на котором Ваш доклад был будто бы замят и замолчан, а я, как Вам известно, состоял председателем в том заседании, которое было посвящено вопросу о реформе архивного дела, стало быть, являюсь ответственным лицом за причиненную Вам съездом неприятность, – то позвольте мне ответить на Ваше письмо и хоть немного оправдать перед Вами и себя и съезд. Кстати, я постараюсь высказать и свое мнение о Вашем докладе. Простите меня, если я буду вполне откровенен с Вами. Отчасти Вы правы. Ваш доклад был замят и замолчан, но не потому, что доклад не понравился или страдал серьезными недостатками по существу затронутого вопроса. Нет. Я во многом, и притом самом существенном, разделяю Ваше мнение и относительно существующей неурядицы в деле архиво- и древлеведения, и относительно тех мер, которые Вы предлагаете в своем докладе в видах упорядочения этого серьезного дела. Но вот в чем заключается большое «но». Все, что Вы предлагаете в высшей степени целесообразно, *но* совершенно неосуществимо при существующих условиях. Ваши предложения представляют собою идеал, а стало быть, как и всякий идеал, они не достижимы. Почему? Да просто потому, что наша современная действительность лишена двух необходимых для осуществления Вашего проекта условий: средств и рабочей силы. Вы сами пишете, что денег надо немало, но потом ниже совершенно бездоказательно добавляете, что нужные деньги найдутся. Откуда же? Разве Вы не знаете, что мы нах[одимся] на границе государств[енного] банкротства, что все ресурсы страны совершенно истощены и все кредиты, ассигнуемые на самые насущные надобности, безжалостно обрезаются. Стало быть, об изыскании средств на архиво- и древлеведение в настоящее время нечего и думать. Да и едва ли в б[олее] или м[енее]

близком будущем можно будет об этом мечтать. Думаю, что едва ли и внуки наши с Вами этого дождутся. Это о средствах. А затем люди. Откуда взять людей, в особенности в провинции, которые были бы пригодными для этого дела?

Вы пишете, что в каждой губернии нужен не один специалист, а целые общества, целая комиссия. Люди эти, кроме того, должны любить свое дело, а не относиться к нему формально, из-за денег, и получ[ать] вознаграждение. Далее Вы пишете: «Нужно основательное образование и развитие масс, действительное, истинное просвещение и воспитание народа» и пр. Где все это мы найдем в настоящее время? Не только в провинции, но и центрах нашего просвещения слишком мало людей, пригодных для осуществления Вашего проекта. За деньги можно, конечно, отыскать специалистов, но едва ли таких найдется достаточно даже для столиц. А Вы проводите мысль о губернских древностейных управах. Вот почему я и считаю весь Ваш проект сплошной утопией. Стоит ли, стало быть, рассуждать о нем, спорить, обсуждать по пунктам и пр. Конечно, нет. Этим объясняется и то, что на съезде не только Ваш проект, но и доклад Поливанова был замят и замолчан³. Заседание наше, где обсуждалась архивная реформа, действительно было из рук вон как плохо. Не Вы одни вынесли от него тягостное впечатление. Я сам был подавлен им, но что же делать, если неизменно хотели, чтобы заседание состоялось. Конечно, лучше было бы совершенно снять его с очереди. Что касается Петербургского архивного съезда⁴, то и в этом отношении я с Вами вполне солидарен: я не жду от него ничего путного. Причина та же: несвоевременность всякого рода подобных проектов. Теперь не до того.

Вот если бы наступило время, когда возможно было бы приступить серьезно к реформе древлеведения, если бы Госуд[арственная] Дума сама возбудила этот вопрос и решила бы ассигновать на это необходимые средства – тогда другое дело. Тогда Ваш проект сослужил бы свою службу, об нем стоило бы говорить и обсуждать его. А в настоящее время, повторяю, это очень хорошо обдуманная Вами и заманчиво составленная утопия, не более.

Печатать, конечно, Ваш доклад мы будем, но не ранее начала будущего года. Если успеем, то он будет, конечно, отослан в Петербург к февралю, хотя обещать наверное не можем.

Искренне преданный Вам А. Селиванов.

ГАЯО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–4об. Подлинник.

№ 2

Письмо И.А. Тихомирова А.В. Селиванову

[8 декабря 1906 г.]

Ваше превосходительство
милостивый государь
Алексей Васильевич.

Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за Ваше письмо, а затем попросить извинение за причиненную Вам против моей воли и всякого желания неприятность. Я несколько не понимаю поступка А.В. Смирнова, сообщившего Вам, видимо, все письмо; если бы это входило в мои виды и желания, то я и обратился бы непосредственно к Вам, между тем, я отнесся к нему, и притом частным образом, и именно для того, чтобы сделать дело, никого не беспокоя. Разумеется, он мог сообщить Вам из моего письма то, что касалось дела непосредственно, об остальном же говорить было, по-моему, излишне и бесполезно, как об обращенном лично к нему. Но раз дело сделалось, остается только извиниться и уверить Вас в том, что я не имел никакого намерения причинить Вам и малейшего неудовольствия.

Что касается III областного археологического съезда, состоявшегося при Вашем ближайшем и главном участии, можно сказать, даже именно благодаря Вам, то я от съезда вынес, говоря вообще, наилучшее впечатление и, кроме глубокой благодарности к его устроителям, ничего иного не питаю. Грустное и неприятное впечатление оставило только одно заседание съезда, – посвященное обсуждению вопроса об архивных комиссиях. Этого я не скрывал и не скрою. На нем проглянуло и непонимание дела (на мой взгляд), и недостаточная беспристрастность, и недостаточная заинтересованность, и желание поскорей отделаться от неприятного вопроса, или излишняя сдержанность, нежелание помочь, предубежденность и т. д. Обнаружилось все это очень скоро и подействовало, понятно, подавляющим образом. Это правда, но винить во всем этом только Вас, как председателя заседания, я никогда не думал и не буду. Я не имею против Вас даже только больше, чем против кого-либо другого из принимавших участие в прениях. Мы все виновны. Ведь, кроме г. Воронова⁵, никто и ничего не сказал о моем докладе, не исключая и самого меня. Зачем, почему? – вопрос другой, но факт остается фактом. Из моего поведения Вы, возможно, заключили, что я чем-то не доволен, но это ошибка. Мое поведение объясня-

ется просто: я был на съезде лишь как частный человек, только как член съезда и, как таковой, считал за самое лучшее, по возможности, меньше надоедать с собою кому бы ни было, а тем более Вам, у которого было и без меня и столько забот, и хлопот, и столько людей, требующих внимания; оттого я и держался в стороне. Кроме того, я поклонник личной свободы и придерживаюсь на этот счет взглядов англичан. Вследствие сказанного прошу мое поведение не считать не неуважительным, не невежливым.

Теперь относительно большого «но». Я не думаю, чтобы предлагаемое мною было так недостижимо, как утверждаете Вы. Правда, при проведении этого предлагаемого в жизнь, придется натолкнуться на много препятствий и противодействий, но это еще не достаточно уважительная причина для сложения оружия. Говоря вообще, я гляжу на жизнь достаточно трезво, прозаично и практично, а не чрез увеличивающие или розовые очки, и в своем проекте я не идеальничал. Он не высижен, не сочинен и не представляет собою работы на заданную или поставленную себе тему; он – ряд ответов, подсказанных самою жизнью и практикою на поставленные ими же вопросы. И писался этот проект не день и не два, а несколько лет, конечно, отрывочно, – по мере накопления материала, по мере возникновения вопросов, недоразумений и т. п. Поэтому можно сказать, что он до известной степени выстрадан и выношен, и стоил не малого количества горьких и тяжелых минут. Оттого-то в нем и отсутствует, как мне кажется, личный элемент, личные симпатии и антипатии, и оттого-то я в нем не считаюсь с существующим положением вещей, частными заслугами и т. п. Я сам кое-что делал и делаю в затронутой области, тем не менее, постарался отодвинуть себя, как и все стороннее и временное, в сторону, и иметь в виду только одно, и только самое дело древлеведения. Хорошо понимаю, что эта тактика многим не понравится и вызовет явное и, особенно, тайное противодействие, но во 1), полагаю, что это обстоятельство не дает ни права, ни основания служить не делу, а лицам и их слишком коротким и временным интересам, а во 2), думаю и уповаю, что найдется достаточное число людей, которые окажутся способными видеть несколько дальше своего носа, и хотя отчасти отрешатся от своих интересов, тщеславия, самолюбия и т. п. мелких и ничтожных побуждений; не все живут под девизом: после нас хоть потоп, для многих вопрос – что будет после нас? – жгуч и мучителен. Конечно, в своем проекте я пытался проводить наиболее совершенные, как казалось мне, положения, но так как я сам очень несовершенен, то, несомненно, и проект мой страдает многими

недостатками, которые нужно исправить, а для этого заняться им, обсудить его. Но недостатка идеальности и потому утопичности в нем нет, он только беспристрастен. А это если и недостаток, то не из тех, которые нужно карать, и который я лично не могу признать даже только непрактичным. Вы спрашиваете, – где деньги и рабочая сила – люди? Я отвечаю: деньги в тех учреждениях, которые заменяют ныне (очень несовершенно) предлагаемые мною управы. Одна Археологическая комиссия получает 80 000 р[уб.] в год⁶. Если эти деньги передать в государственную древностейную управу, то на них можно оплатить 10 специалистов по 5000 р[уб.] и 30 000 [руб.] – на остальное. Я не говорю, что этого достаточно, но в крайности и на эти деньги (при готовой квартире) можно открыть управу, а ей действовать. Время парадоксальных окладов и бесконтрольного хозяйничанья бесповоротно отходит, колоссальные траты на полицию, стражников, казаков и пр. – временны и непродолжительны, Дума не вторая, так третья или четвертая их упразднит. Деньги будут, об этом нечего и говорить. Да, наконец, – живем же мы сейчас уж вовсе без гроша и работаем, неужели, когда будет хоть несколько грошей, так мы отступимся от того дела, которое стоило нам стольких жертв, сил, чуть не слез?! Дело не в деньгах, а во власти; дайте нам власть, дайте нам право, и $\frac{3}{4}$ дела будет сделано. Кроме того, применяясь к обстоятельствам, можно предпринятое осуществлять не сразу, и с некоторыми уступками и сноровками. Пусть вопрос будет сперва лишь предрешен и санкционирован, пусть будет «быть по сему» и «осуществление по возможности». И возможность откроется, поручками Вам в этом 22 бесправные архивные комиссии, которых никто знать не хочет, и которые не могут заставить знать себя. Было бы чего ждать, а подождать можно, мы привыкли к этому. Что касается людей, то они уже есть и теперь, – при отсутствии спроса на них. Ведь война родит героев. У нас есть университеты, есть Археологический институт⁷, в котором ныне учатся от нечего делать, из любви к искусству кое-как и чему-нибудь, и в котором могут учиться очень основательно даже и теперь, а тем более при улучшении положения. Много еще хотелось бы мне высказать Вам всего, но уже места нет более, и потому, прося Вас пособить тому делу, которому мы оба служим, имею честь быть искренно преданным и глубоко уважающим Вас

И. Тихомиров. 8/XII 1906 г.

Я кончил свое письмо, но, пробегая еще раз Ваше, не вытерпел и пишу еще. Я ни сколько не в претензии на Вас за то, что Вы весь мой проект считаете «сплошной утопией», – это Ваше личное дело, Ваше личное убеждение, сложившееся в силу известных оснований (из которых приведенные в Вашем письме не могу признать убедительными и вескими), но я ропщу на Вас за то, что Вы, как председатель заседания по вопросу о реформе архивных комиссий (их положения я не отделяю и не могу отделять от положения вообще древлеведения, ибо очевидно, что хлопотать об улучшении нескольких винтов при негодности всей машины, – тратить попусту время и обманывать себя) оказались не вполне беспристрастным, поддались этому своему убеждению, т. е. в общее дело ввели личный элемент. Между тем, можете ли Вы поручиться, что Ваш взгляд безусловно верен, что Вы совершенно правильно понимаете положение вещей? Разве Вы безгрешен? Разве Ваши представления не слагались, как и мои, и всякого другого, под влиянием известных обстоятельств и условий? Разница лишь в том, что на Вас более действовали одни влиятели, на меня другие, почему и углы наших зрений разные. Попробую уверить Вас, что свой доклад я составлял и решился прочесть не «здорово живешь», а подумав над ним прежде и многое взвесив, причем, ни правительство – бюрократию, ни общество я не представлял себе ангелами хранителями или добрыми духами. Я знаю и то, и другое очень, очень хорошо, даже только, но знаю также и то, что бывают такие положения, в которых и медведь пляшет. Что мой проект не утопия, следует из того, что близкое к нему предлагалось не только Довнар-Запольским⁸, но и самим правительством в лице его особой комиссии по пересмотру законоположений об охране памятников древности⁹. Разве, в сущности, не те же губернские древностейные управы предлагала эта комиссия, но лишь, по обыкновению бюрократии, «применительно» к местным, современным, финансовым и всяким другим условиям, и «принимая во внимание», т. е. попросту желая и капитал нажить, и невинность сохранить, а больше всего себя не обидеть? Оттого-то ей и понадобились уже существующие ученые учреждения, до естественно-исторических включительно, и бессмысленные археологические округа.

Не могу с Вами согласиться и в том, что нужно ждать, когда сама Госуд[арственная] Дума вспомнит о древлеведении. У нее, понятно, теперь на первом плане не то. Но я полагаю, что если Думе представить готовый проект, хорошо продуманный, обоснованный и разработанный, при хорошо, т. е. умело и соответствующим настроению образом составленном и обстоятельно мотивированном

представлении, если под этим представлением собрать подписи уважаемых и известных наших ученых и даже учреждений (отчего бы даже и не Академии наук, университетов и пр.), и если, наконец, подготовить почву в Думе чрез подходящих депутатов и заручиться их содействием, как и в Государственном Совете, то дело может выгореть без особых затруднений. Очевидно, все дело в тех людях, которые будут его делать. Если в них найдется достаточно любви к этому делу и веры в себя и других, – оно обеспечено: вера и любовь горами качают; если же мы начнем с «как да что» и «ничего не будет», так дальше их, конечно, не уйдем. Во имя общего дела я прошу Вас, зову Вас – помогите чем можете, между пр[очим], и заблаговременной рассылкой моего проекта (с предисловием к нему, высланным А.В. Смирнову¹⁰) не одному архивному съезду, а во все архивные комиссии, всем участникам Владимирского съезда, всем заинтересованным лицам и учреждениям с горячим призывом откликнуться и помочь. Положите первый камень в этом важном деле, словом, сделайте то, что подскажут не расчет и выкладка, а душа и чувство. Захотите, многое сможете, и потому не говорите: может быть, успеем. Взываю к Вам как к человеку и только как к человеку, без всяких приложений, искажающих его лучшее и высокое представление. Как видите, я избрал путь беседы с Вами неофициальной, это, при нашем почти полном незнакомстве, может быть, будет шокировать Вас несколько, покажется неуместным. Что в том? Как хотите, но я привык относиться к людям, а не к их мундирам, и, кроме того, верую в завет Христа: стучите, и отворят вам. Простите, что утомил Вас, но ведь не о себе хлопочу, и надеюсь увидеть ясные дни, хотя и немного осталось жить.

И. Тихомиров

ГАРО. Ф. 1368. Оп. 1. Д. 1963. Л. 8–9об., 2 л. б/н. Подлинник.

№ 3

Предисловие И.А. Тихомирова к проекту
«К вопросу об устройстве древлеведения в России»

От составителя

Убедительнейше прошу читателей во имя самого того дела, о котором веду речь, отнестись к нему с возможною добросовестностью, и при чтении и оценке предлагаемого мною материала для решения вопроса о постановке древлеведения в России отказаться, насколько доступно, от всего условного, частного и навеянного минутой, забыть о составителе настоящего проекта и о самом себе и, словом, взглянуть на предлагаемое мною возможно беспристрастнее, вчитаться и вдуматься в каждый пункт изложенного, сравнить со своими собственными предложениями по тому же предмету, если таковые имеются, сделать возражения против неприемлемого и пополнить то, что будет признано подходящим, холодно взвесить положительное и отрицательное, – не только не придираясь к мелочам и отдельным словам, но вовсе не обращая на них (именно, как на таковые) внимания, – и, только подведя итог всему, сказать уже «да» или «нет», пояснив то или иное свое заключение.

Я прошу помнить и подчеркиваю, что, составляя свой проект, я имел в виду только самое дело, и большинство пунктов, включенных мною в этот проект, подсказано самою жизнью и текущею практикою, а не выдуманно в кабинете за столом; я не подделывался ни к лицам, ни к обстоятельствам, не «соображал», не «соглашал», не «приноравливал», а высказывал только назревшую и наболевшую нужду. Разумеется, что сказанное касается сущности, а не подробностей, мелочей и внешней стороны предмета. Понятно, что я не буду непременно настаивать, например, на сохранении предложенных мною названий предполагаемым учреждениям и должностям, на подробностях устройства первых, на объеме и качестве прав и обязанностей вторых и т. п.¹¹, но я буду и прошу и других, преданных делу древлеведения, отстаивать до последней возможности тот взгляд, что древлеведение должно быть выделено из всяких других ведомств в особую самостоятельную и самоуправляющуюся единицу с постоянным главным центральным органом, и что эта единица-ведомство должно обладать правом, властью и средствами не меньшими, чем всякие другие ведомства, и, во всяком случае, вполне достаточными для правильного отправления предмета своего ведения.

На III областном археологическом съезде во Владимире М.В. Довнар-Запольский предлагал осуществить такой централь-

ный орган в виде повторных очередных (а равно, и по мере надобности) съездов представителей местных органов древлеведения (нынешних архивных комиссий). Но первым и притом чрезвычайно важным неудобством такого центрального распорядительно-наблюдательного органа является его непостоянность, прерывность и временность его действия, тогда как во всякий данный момент может возникнуть надобность в неотложном решении представившихся вопросов. Переменный и случайный состав такого органа, зависящий от настроения на местах, также представляет его крупный недостаток. Кроме того, непрерывность действия центрального органа настоятельно необходима для успешного хода самого дела, ибо этого дела, накопленного многими веками, столько, и оно так быстро и так постоянно все увеличивается, что когда посмотришь на него сознательно, ясно и вполне отдавая себе отчет в видимом, то невольно проникает в душу отчаянье за возможность правильного и желательного разрешения этого дела. Для такого разрешения его нужна целая и притом сплоченная, хорошо устроенная и подготовленная, преданная делу армия тружеников, приставленная исключительно к этому делу, а не та ничтожная горсточка профессионалов и любителей, которая, тщетно напрягая все усилия, пытается ныне что-то сделать в этой огромнейшей области, да еще вразброд, ссорясь и вздоря. Один я перебрал сотни тысяч дел и отобрал из них тысячи для «вечного хранения». От уничтожения эти тысячи пока спасены (да и спасены ли? Своего помещения Ярославская архивная комиссия не имеет), но когда они будут использованы, кем, как? И даже, – когда они будут только приведены в тот порядок, о котором так много и столь многие так часто говорят везде? Надеяться на любовь к науке двух-трех, даже пусть 10–15 местных деятелей, да еще бесправных (в данной области), безвластных и не имеющих средств, разве это не ребячество, разве это не преступное закрывание глаз? Или, может быть, следует надеяться на помощь и сочувствие общества, как это предложил один из участников Владимирского съезда? Но кому же не известно, что общество, как общество, т. е. в своем целом, живет только настоящим и будущим, а не прошлым, особенно столь мало развитое общество, как наше русское? Иначе у народов были бы не жалкие отрывки и клочки случайных известий о былом, а прекрасные, обстоятельные истории. Кому также не известно, что не только такая с точки зрения общества (повторю, особенно нашего, обнищавшего, забитого, темного и голодного) крошечная, ничтожная нуждишка и даже просто «баловство»¹² как знание прошлого, но и более неотступные и более очевидные и понятные надобности

вроде образования, государственной защиты и т. п., и те находят в обществе самый слабый, еле заметный отклик? Много ли жертвуют (даже за награды) на училища, библиотеки, хранилища, даже на флот и т. п.?

Меня обвиняли (на съезде) еще в том, что я будто бы намерен создать новую бюрократическую область в нашем государственном механизме и тем нанести огромный вред всему делу, на защиту которого выступил. На это нелепое обвинение я могу ответить только одно: имеющий уши слышать да слышит. Разумеется, предлагаемое мною не представляет совершенства (почему и представлялось на обсуждение съезда, хотя и было замято), но не страдает и бюрократизмом. Выборное самоуправляющееся начало не может или, по крайней мере, не должно быть бюрократическим, особенно же при условии действия этого начала в среде ученых и непосредственно причастных к науке, заинтересованных ее успехами лиц. Конечно, при желании всякое благое и самое лучшее начинание можно изуродовать, но от этого нет пока иных средств спасения, кроме самого общества. Если оно в лице его членов, наиболее заинтересованных делом древлеведения, т. е. в данном случае ученых, тщательно и ревниво будет оберегать органы, ведущие это дело, от всяких отрицательных посягательств на него, то эти посягательства и не осуществляются. Если же этого не будет, если не будет любви и преданности к делу, а лишь чиновничье, «казенное» отношение к нему, если это дело для его деятелей не будет частью их души, а только средством существования, источником дохода, тогда никакая постановка не спасет от его упадка. Последнее замечание. Меня обвиняли еще в том, что я в своем проекте постановления древлеведения ввожу в дело канцелярское начало. Верно, канцелярия так уронила себя в глазах общества, что при одном намеке на нее, оно уже настораживается и становится недоверчивым. Но с другой стороны, не менее верно и то, что ни одно сколько-нибудь значительное дело не может обойтись без канцелярии или конторы, ибо во всяком деле для его развития прежде всего требуется порядок, распорядительность, быстрота и аккуратность. Нельзя же, в самом деле, требовать, чтобы ученые люди (стоящие во главе ведения древностями) углублялись во все мелочи делопроизводства, составляли и писали сотни бумаг, подшивали наряды и т. д. И нельзя уже потому, что, заставив их это делать (если только они когда-нибудь согласятся на это), мы тем самым неизбежно превратим их в бюрократов-чиновников и, отвлекши от живого, нужного и действительного дела, утопим в чернильном море. Говорить же о том, что без бумаг, без канцелярской переписки нельзя обойтись, мне думается, даже и не

следует: это самоочевидно; все архивные комиссии, несмотря на все убожество всяких их средств и на ничтожество области ведения и власти, не обходятся без канцелярий, хотя, благодаря неимуществу, ведает и ведет эти канцелярии само правление комиссий.

В заключение я убедительнейше прошу тех, кто возьмет на себя смелость обсуждать и решать судьбы архивных комиссий, не забывать, что не одни они болят душою и думают об их судьбе, и потому прошу их не говорить своего окончательного слова до тех пор, пока не выслушают и меня, т. е. пока не прочтут внимательно моего проекта постановления дела древлеведения в России, с которым (т. е. древлеведением) судьбы архивных комиссий связаны неразрывно. В основу этого проекта положены: *общество-коллегия, собрания, выборы, самоуправление и постоянный контроль всех над одним и одного над всеми*, т. е. такие начала, при которых менее всего возможно ожидать зарождения бюрократизма. Без порядка же, без системы и твердых оснований не может существовать никакое дело.

Тихомиров И.А. К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир: тип. Губ. правления, 1908. С. I–IV.

Комментарии

- ¹ Смирнов Александр Васильевич (1854–1918) – земский врач, общественный деятель, краевед, археограф, библиограф, действительный член Владимирской ученой архивной комиссии, хранитель ее музея, архива и библиотеки. См. о нем: *Тельчаров А.Д.* Об архиве А.В. Смирнова // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 298–303; *Он же.* История в человеке. (А.В. Смирнов и его время). Ярославль, 1990.
- ² Третий областной историко-археологический съезд состоялся во Владимире 20–26 июня 1906 г. Информационные письма за подписью А.В. Селиванова о подготовке съезда и его программа содержатся в отдельном деле архивного фонда И.А. Тихомирова, см.: ГАЯО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 51; см. также: Программа Третьего Областного историко-археологического съезда, созываемого в губ. гор. Владимире в 1905 г. с 20 по 30 июня // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. С. 218–219; *Рудаков В.Е.* Третий областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире // Исторический вестник. 1906. № 8. С. 563–585; *Горталов Н.К.* Доклад о деятельности III-го областного историко-археологического съезда в г. Владимире 20–26 июня 1906 года // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1906. Т. 22. Вып. 4. С. 280–290; *Нарбеков В.А.* Третий областной историко-археологический съезд во Владимире 1906 г. 20–26 июня.

Казань, 1907; Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909.

- ³ Поливанов Владимир Николаевич (1848–1915) – дворянин, историк, археограф, общественный и государственный деятель. Инициатор создания в 1895 г. и председатель Симбирской губернской ученой архивной комиссии, основатель первого в губернии частного музея. Член-корреспондент французского и бельгийского обществ археологии, почетный член Петербургского археологического института.

Доклад В.Н. Поливанова на владимирском съезде состоялся в «закрытом» заседании (23 июня), посвященном реформе ученых архивных комиссий. Концепция их преобразования готовилась по поручению собрания председателей архивных комиссий, состоявшегося на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе в 1905 г. В основе предлагавшейся реформы лежал проект, выработанный делегатами областного историко-археологического съезда в Твери (1903) (см.: Труды Третьего областного историко-археологического съезда... С. 71).

- ⁴ Вопрос о необходимости созыва съезда ученых архивных комиссий поднимался еще на XIII Археологическом съезде в Екатеринославе. Итогом обсуждения доклада В.Н. Поливанова на съезде во Владимире явилось следующее постановление: «Ввиду сложности и трудности вопроса, собрание в заключение рассуждений постановило: просить директора Археологического института Н.В. Покровского созвать в Петербурге не позже весны будущего года специальный съезд из представителей архивных комиссий для обсуждения их положения и выработки проекта реформы. Директор Института принял это предложение и обещал оказать со своей стороны всякое содействие к устройству съезда» (Труды Третьего областного историко-археологического съезда... С. 71; см. также: *Рудаков В.Е.* Указ. соч. С. 580). На деле же созванное Археологическим институтом совещание членов Археологической комиссии с участием представителей от архивных комиссий в Петербурге состоялось только 17 апреля 1908 г. Плодом его работы явился «Проект положения о губернских архивно-археологических комиссиях» (см.: Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 452–456). Выработанный документ был разослан во все архивные комиссии для его последующего обсуждения. Замечания на проект от ЯГУАК были составлены товарищем председателя комиссии, приват-доцентом Демидовского юридического лица Ф.В. Тарановским и архивариусом И.А. Тихомировым (см.: Протокол 64-го собрания, 11 мая 1908 г. // Труды ЯГУАК. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 1. С. 17; Протокол 66-го собрания, 20 апр[еля] 1909 г. // Там же. С. 27–28); см. сравнительный текст проекта: От правления Ярославской ученой губернской архивной комиссии // Ярославские губернские ведомости. 1909. № 28. С. 2–4.

- ⁵ Воронов Андрей Петрович (1864–1912) – историк, архивист, краевед. Уроженец г. Петрозаводска, выпускник историко-филологического фа-

культета Петербургского университета. Автор многочисленных исследований по истории Карелии, в том числе публикаций по этой тематике в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Профессор Петербургского археологического института, составитель одного из первых теоретических курсов «Архивоведение» (1904), на основе которого читались студентам лекции. См. о нем: *Шайжин Н.С.* А.П. Воронов (некролог) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск, 1912. С. 85–88. По инициативе А.П. Воронова, председательствовавшего 22 июня на заседании секции «Вопросы архивоведения», где слушался доклад И.А. Тихомирова, его «рассмотрение и обсуждение» было перенесено на следующий день – в секцию «Архивные комиссии и их современное положение». Об итогах дискуссии в собрании этого «отдела» съезда см. в примеч. 4.

⁶ Императорская археологическая комиссия – научный и организационный центр, занимавшийся выявлением и изучением исторических древностей на территории Российской империи. Основана была в 1859 г. в Петербурге, находилась в ведении Министерства императорского двора. С 1889 г. обладала исключительным правом разрешать и контролировать археологические раскопки, участвовала в рассмотрении проектов переделки и реставрации монументальных памятников древности. После 1901 г., с момента появления при Археологической комиссии реставрационной комиссии, являлась ведущим учреждением в деле экспертизы проектов и методики реставрации архитектурных памятников.

⁷ Петербургский археологический институт – частное высшее учебное и научное заведение. Основан в 1877 г. академиком Н.В. Калачовым на его личные средства и пожертвования. Предназначался для подготовки специалистов в области архивного дела. На двухлетнее обучение зачислялись лица при условии наличия высшего образования. Помимо палеографии, археографии и архивоведения здесь читались курсы археологии, нумизматики, метрологии, истории права, этнографии и других дисциплин. В сфере деятельности Археологического института находились ученые архивные комиссии, состав которых формировался по согласованию директора института с губернаторами на местах. Всю отчетность о своей научной деятельности архивные комиссии должны были предоставлять в институт. См.: *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачов как историк-архивист. (Из истории русского архивоведения. 1860 – 1880-е гг.) // Труды Историко-архивного института. М., 1948. Т. 4. С. 161–177.

⁸ Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – историк, общественный деятель. В 1894 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета. С 1896 по 1901 г. жил в Москве, работал старшим помощником архивариуса в Московском архиве Министерства юстиции, преподавал историю в частных женских гимназиях и в качестве приват-доцента (с 1899 г.) в Московском университете. Являлся одним из создателей Археографической комиссии при Московском археологическом обществе.

Будучи секретарем комиссии, находился в постоянном контакте с археографами и учеными архивными комиссиями по различным вопросам архивоведения. См. о нем: *Михальченко С.И.* М.В. Довнар-Запольский: Историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 162–169. О проекте реформы в деятельности ученых архивных комиссий М.В. Довнар-Запольского, предполагавшего создание центрального органа в виде периодически созываемых съездов, см. в предисловии И.А. Тихомирова «От составителя» к его программе древлеведения (док. № 3).

- ⁹ Речь идет о специальной межведомственной комиссии при Министерстве внутренних дел, созданной в 1905 г. для разработки вопросов охраны исторических памятников – как письменных, так и вещественных. Составленный комиссией проект предполагал учреждение особого руководящего органа – «Комитета по охране древностей». За ним закреплялась функция объединяющего и направляющего центра в деятельности всех учреждений и лиц, причастных к памятникоохранительной работе. Согласно проекту, губернским ученым архивным комиссиям, действовавшим в этом направлении на местах, отводилась подчиненная роль. См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960. С. 292–293; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 168.

В своем докладе на владимирском съезде И.А. Тихомиров особо отмечал, что появление его проекта было «ближайшим образом» продиктовано деятельностью этой министерской комиссии: «“Основные положения, выработанные комиссией (министерства внутренних дел) по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 года” и разосланные на обсуждения архивных комиссий и других подходящих учреждений, насколько мне известно, встретили тоже холодный прием и подверглись суровой критике» (*Тихомиров И.А.* К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир, 1908. С. 9).

Показательной явилась реакция деятелей Ярославской губернской ученой архивной комиссии, с которой они в 1909 г. восприняли известие о решении комиссии создать при МВД «Комитет по охране древностей». «Возмутителем спокойствия» здесь, как зафиксировали протоколы заседаний ЯГУАК, вновь оказался И.А. Тихомиров: «9. Доклад г. Тихомирова о “проекте устава архивно-археологических комиссий”, обсуждавшемся на Костромском областном археолог[ическом] съезде в заседании 28 июня, где из доклада проф. Покровского и из беседы с членами Императорской археологич[еской] комиссии выяснилось, что в настоящее время предполагается учредить при Департаменте общих дел по М[инистерст]ву ВД не Совецание, а Комитет по охране древностей, которому не только подчинить существующие арх[ивные] комиссии, но и передать всю охрану всяких русских древностей, находящихся сейчас в ведении Имп[ераторской]. археол[огической] ком[иссии].»

Последняя, как известно, состоит в ведомстве М[инистерст]ва Импер[аторского] двора, вследствие чего является вполне независимым и самостоятельным учреждением, благодаря чему здесь м[оже]т все б[ыть] направлено единственно в пользу науки, без счетов с к[акими]-л[ибо] посторонними соображениями. При переходе же охраны древностей в М[инистерст]во ВД положение изменится сущ[ественным] образом, так как на всякое м[инистерст]во возможно влияние и давление. Кроме того, Комитет будет носить случайный и переменный состав из лиц, занимающих особое от него служебное положение, и в Комитете участвующих приватно. К этим неудобствам присоединяется и самый устав, проектируемый для будущих арх[ивных] комиссий, многие статьи которого страдают недостатками и стеснениями.

На основании этих и др. соображений докладчик предложил бы со своей стороны: обратиться в Импер[аторскую]. арх[еологическую] комиссию с ходатайством возбудить вопрос о зачислении архивных комиссий ее филиальными отделениями по местам, с переходом их из М[инистерст]ва ВД в М[инистерст]во Импер[аторского] двора и обратиться к др. архивным комиссиям с просьбой возбудить и им такое же ходатайство. – *Постановили:* обратиться в архивные комиссии в виде сообщения о начинаниях Яр[ославской] арх[ивной] комис[иссии] с запросом их мнения по этому поводу» (Протокол 68-го собрания, 22-го сентября 1909 г. // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 1. С. 38).

¹⁰ См. док. № 3.

¹¹ Хотя нельзя не заметить, что в высшей мере желательно, чтобы названия были просты, ясны, кратки и доступны пониманию и простого народа, наравне с другими заинтересованного в деле если не прямо, то посредственно, – по исполнению устанавливаемого. Мы так отбились от этого народа, между прочим, и языком, что уже давно не понимаем друг друга, говоря совсем различными наречиями. Ведь нельзя же требовать от простолюдина, чтобы он носил при себе «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык», очень часто без всякой надобности. Всякое законодательное распоряжение, всякое узаконение и осуществляющие его органы должны быть всегда вполне доступны пониманию и представлению каждого; иначе нельзя, несправедливо требовать исполнения установленного.

¹² «Что было, то прошло и быльем поросло», – вот взгляд народа на рассматриваемый предмет.